
В.С. Парсамов (Россия, Саратов)

Эпиграмма А.С. Пушкина
«Холоп венчанного солдата»:
текст и комментарий

Холоп венчанного солдата,
Благослови свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата
И смерти немца Коцебу¹...

Автограф этой пушкинской эпиграммы не сохранился. Существует 10 копий с разночтениями и разногласиями по поводу лица, о котором идет речь. В пяти копиях в качестве адресата называют А.А. Аракчеева, в двух – А.С. Стурдзу, в одной – М.С. Воронцова и еще в одной графа Триа.

Впервые это стихотворение было опубликовано Гербелем в сборнике «Стихотворения А.С. Пушкина» (Берлин, 1861) как эпиграмма на Аракчеева в таком виде:

Холоп Венчанного солдата
Ты стоишь лавров Герострата
И смерти немца Коцебу,
А впрочем...

Второе издание этого сборника, вышедшее в 1870 г., было в библиотеке П.А. Вяземского, который на полях текста эпиграммы написал: «Вовсе не на Аракчеева, а на Стурдзу, написавшего современно смерти Коцебу политическую записку о немецких университетах. Второй стих пропущен:

Благослови свою судьбу.

Последний после прибавлен, а, может быть, и не Пушкиным. Когда эти стихи ходили по рукам, то пятого стиха не было»². Эта заметка Вяземского считается основной в текстологии этого стихотворения, хотя есть свидетельство, что у П.П. Каверина была копия с пятью стихами³.

В виду отсутствия автографа трудно сказать, является ли пятая строка пушкинской или добавлена кем-то из переписчиков, но во всяком случае она современна Пушкину. Поэтому вопрос об окончательном тексте, видимо, следует считать открытым. Что же касается лица, на которое эта эпиграмма написана, то здесь, безусловно, прав Вяземский: речь действительно идет об Александре Скарлатовиче Стурдзе. Многочисленные указания на то, что эта эпиграмма направлена против Аракчеева, тоже легко объяснимы. Стурдза не был в глазах современников столь одиозной фигурой, как всесильный временщик, и пушкинская эпиграмма, пережив ту ситуацию, которой она была вызвана, стала использоваться как агитация против Аракчеева.

Содержание эпиграммы многократно и довольно однообразно комментировалось в пушкинистике. Все, что о ней писалось, можно свести к следующему пассажиу Б.В. Томашевского: «Молодому чиновнику дипломатического ведомства А.С. Стурдзе, специализировавшемуся в церковных вопросах и достаточно проникнувшему духом мистицизма, было поручено составление записки о состоянии немецких университетов. Эта записка, отпечатанная на французском языке в 50 экземплярах, по распоряжению Александра была роздана членам Аахенского конгресса (октябрь–ноябрь 1818 г.). В записке германские университеты изображались как рассадники революционного духа и безбожия и правительства призывались к репрессивным мерам для предупреждения распространения революционной заразы по странам Европы. Другой агент русского правительства, известный автор бесчисленных слезных драм Август Коцебу, выступил в защиту брошюры Стурдзы, получившей помимо воли автора широкое распространение (она была перепечатана газетами). В результате Стурдзе пришлось бежать из Германии, а Коцебу был убит 23 февраля 1819 г.»⁴.

Здесь все или почти все правильно, если не считать опечатки (Коцебу был убит 23 марта, а не февраля) и некоторых недоговорок, а также то, что убийство Коцебу и брошюра Стурдзы ни-

как между собой не связаны, но об этом чуть позже. Однако такой комментарий, включающий пушкинский текст в синтагматический ряд исторических событий, сам по себе нуждается в дополнительном комментарии.

Дело в том, что точка зрения историка, выстраивающего хронологическую цепочку причинно-следственных отношений: Стурдза написал брошюру, Коцебу выступил с ее защитой, Занд убил Коцебу, Стурдза бежал, Пушкин написал эпиграмму на Стурдзу, в которой задел и покойного Коцебу, – принципиально отличается от точки зрения современников. Современники рассматривают события, свидетелями которых они были, как правило, не в горизонтальной, а в вертикальной плоскости. Их интересует не то, *что произошло* (происшествие, собственно говоря, налицо), а *что это значит*, т. е. для них имеет значение не столько причинно-следственное, сколько ценностно-смысловое насыщение событий. Поэтому исторический комментарий должен не только включать комментируемый текст в определенный синтагматический ряд, но и рассматривать его как реплику в некоем целостном пространстве.

Применительно к пушкинской эпиграмме исторический комментарий предполагает реконструкцию того политического контекста, в котором эта эпиграмма прозвучала в 1819 г. Сложность, возникающая при этом, заключается в отсутствии не источников, а адекватного языка описания. Характерное для советской пушкинистики стремление вписать эту эпиграмму в историографический миф о борьбе реакционных и революционных сил, мало что дает. Политическая ситуация в посленаполеоновской Европе была настолько динамична, сложна и запутанна, что уже людям николаевской эпохи трудно было ориентироваться во множестве составляющих ее оттенков. Именно тогда начинается мифологизация той эпохи с четким размежеванием лагерей реакционеров, революционеров, либералов и т. д. В 1840-е годы С.С. Уваров, хорошо помнивший то время, писал: «Те, кто не жил в ту лихорадочную эпоху и не был в центре той глухой и постоянной ферментации, никогда не будет иметь точного понятия о расположении умов и их необычайной эксцентричности, все, казалось, смешалось со всем, никогда влияние отдельных личностей не было столь отмеченным»⁵.

Репутация реакционера и мракобеса, закрепившаяся за Стурдзой, не предшествовала пушкинской эпиграмме, а во многом следовала за ней. Поэтому правильнее было бы утверждать, что не Пушкин написал эпиграмму на Стурдзу, потому что тот был «мракобесом», а наоборот, Стурдза стал считаться «мракобесом», потому что Пушкин написал на него эпиграмму.

Известность Стурдзе принесла его книга «*Considération sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe*», вышедшая в Германии в 1816 г. Появление этого сочинения было непосредственно связано со Священным союзом, в составлении акта которого Стурдза принимал участие. Священный союз в том виде, как его задумал Александр I, представлял собой либерально-религиозную организацию и фактически отменял все нормы традиционной дипломатии. Не случайно французский публицист Д.-Ж. Прадт назвал Священный союз «апокалипсис дипломатии».

Предложив подписать христианский Акт о Священном союзе католическому императору Австрии Францу I и протестантскому королю Пруссии Фридриху-Вильгельму III, русский православный царь не пояснял, о каком именно христианстве идет речь, чем поверг в недоумение практически всю Европу⁶.

Стурдза, хотя и служил по дипломатической части, дипломатом по призванию не был. Его больше волновали вопросы просвещения, и на Священный союз он смотрел прежде всего как на просветительскую организацию. Что касается просвещения, то Стурдза мыслил его в основном в религиозном плане, в соответствии с этимологией слова, и свою просветительскую модель выстраивал в противовес Просвещению XVIII в. В отличие от просветителей XVIII в., исходивших из исконно доброй природы человека и считавших, что порча происходит в результате предрассудков, одним из главных расщеплений которых является церковь, Стурдза в соответствии с христианской доктриной считал, «что человек, существо падшее, но стремящееся к возрождению, вечно борется с самим собою, порывами возносится к идеалу совершенства, но каким-то внутренним, неизъяснимым тяготением беспрестанно увлекаемый ко злу, во всех проявлениях земного бытия обнаруживает признаки наследия греховного, переходящего из рода в род»⁷. Если просветители в просвещении видели прежде всего прозрение и возвращение к неким исходным

природным ценностям и т. д., то для Стурдзы просвещение – это прежде всего лечение – процесс долгий и постепенный – врожденных нравственных болезней человечества. Религиозное просвещение является в этом смысле лучшим лекарством.

Отрицает он и идею общественного договора. По его мнению, государство возникает не в результате договора о взаимной выгоде естественных людей, а «в быту семейств, под сению долголетия старцев и простоты нравов»⁸.

В неопубликованной статье «Рассуждение об акте братского и христианского Союза 14/26 сентября 1815 года» Стурдза пытался доказать, что только православие в полной мере способно удовлетворить религиозные искания обновляющейся Европы. Для обоснования этого тезиса Стурдза рассматривает религиозную ситуацию во Франции и в Германии. По его мнению, католицизм и протестантство равно пострадали от революционного неверия. Но при этом католицизм имеет то преимущество, «что он подвергся преследованию со стороны Наполеона и это лишь способствовало укреплению суеверий. Как бы то ни было, ослабленные рессоры папского авторитета получили от этого новые силы и гибкость»⁹.

В распространении православия в Европе Стурдза делает ставку не на католические страны, а на протестантские, приводя два аргумента в пользу протестантизма как возможного союзника православия. Во-первых, «протестантская церковь с момента своего появления на свет искала точку опоры и соединения у православной церкви», а во-вторых, протестантская религия подвержена изменениям. В этом утверждении Стурдза ссылается на авторитет известной книги Ж.-Б. Боссюэ «История изменений протестантских церквей». Далее «призма ложной науки dokonчила ее разложение на элементы. Реформа, прозванная критической и моральной, потом мания экзегетики¹⁰, наконец, тайные общества, иллюминизм и якобинство снова ввергли в состояние пустоты и неопределенности массу верующих, которая требовала только религии, авторитета, терпимости и любви»¹¹.

Таким образом, если в католической церкви царит деспотизм, то протестантство ввергнуто в анархию. И только православие, «одинаково далекое от всех крайностей, существует между духовным деспотизмом и церковной анархией»¹².

Статья Стурдзы не была опубликована. По мнению А.Н. Шебунина, Александра не устроила православная трактовка его дипломатического детища. Но в то же время император не только одобрил публикацию книги о православии, но и выделил на ее издание большую сумму денег. Александр прекрасно понимал, что идея православного Священного союза заранее обречена на неудачу, поэтому он предпочитал не акцентировать различия, существующие внутри христианского мира. Но, с другой стороны, подписание Акта и появление работ Стурдзы совпало с началом гонения на иезуитов в России. Царь явно нуждался в религиозно-идеологическом подтверждении превосходства православия над католицизмом. Таким образом, создавая Священный союз и укрепляя православие, Александр вовсе не хотел, чтобы эти две линии его политики воспринимались бы в единстве. Поэтому он не дал согласия на публикацию статьи Стурдзы, но поддержал издание его книги.

В своей книге Стурдза пропагандирует православие как либеральную религию. По его мнению, православная церковь более терпима и менее деспотична, чем западная. Рассуждение о терпимости как о главном пути к истине занимает в книге Стурдзы значительное место. Он рассматривает терпимость в отношении религии как свободу вероисповеданий; в отношении политики — как равенство всех форм правления, если они хорошо организованы и обеспечивают стабильность социального строя; в отношении отдельных людей должен действовать принцип «не судите, да не судимы будете» и т. д. Главная мысль заключается в том, что наука управления государством тесно связана с образованием, а образование, в свою очередь, может быть только религиозным. Однако эта действительно основополагающая для Стурдзы мысль в книге растворена в других суждениях и не бросается в глаза. Поэтому в целом ее содержание вполне либерально, о чем свидетельствует тот радушный прием, который она встретила в среде русских либералов.

Так, например, Д.Н. Блутов посвятил ей отдельную статью. Отметив, что книга «без сомнения принадлежит к числу необыкновенных явлений в словесности», он писал, что «сочинение Г. Стурдзы о Православной Греческой Церкви, как по таланту автора, истинно блистательному, так и по цели его, равно достойно

внимания всех читателей просвещенных»¹³. Блутов полностью разделяет и подчеркивает мысль Стурдзы о благотворном влиянии православия на русскую историю. Он видит в книге важный симптом современности: «Она может служить признаком состояния идей в Европе и движения умов в отношении к Религии». Сочувственно цитируя выпады Стурдзы против «иноверцев», которые, «живя в России, старались поселить раздор между православными»¹⁴, Блутов обращает внимание и на то, что книга Стурдзы направлена в то же время против неверия XVIII в. В связи с этим французский язык книги, по мнению рецензента, вполне оправдан: «Всеобщее употребление языка Французского, столь часто служившее к распространению вредных софизмов, должно было побудить его избрать сей же язык для выражения истин древних, но забытых, или отвергаемых в большей части Европы. Прибавим, что он, вероятно, хотел своих противников поразить собственным их оружием»¹⁵. Добавление Блутова более чем справедливо. Стурдза действительно для защиты православия черпает систему аргументов и логику у католических авторов в виду отсутствия традиций в православной публицистике.

Как и Стурдзу, Блутова, конечно, в первую очередь интересуют политические аспекты книги. Поэтому, завершая свою рецензию, он не мог пройти мимо многословных размышлений автора о терпимости православия и русского правительства: «В его рассуждениях о терпимости – по словам его, необходимой принадлежности христианства, читатели найдут гораздо более убеждения и более сильных и новых истин, нежели во многих высокопарных фразах, коими блистали в прошлом столетии так называемые философы, мнимые защитники политических добродетелей»¹⁶.

За эту рецензию Блутова благодарил К.Н. Батюшков в февральском письме 1818 г.: «...благодарю за статью о Стурдзе, которую прочитал с великим удовольствием»¹⁷. А.И. Тургенев, рекомендуя книгу Стурдзы своему брату С.И. Тургеневу, отмечал, что «в ней есть прекрасные страницы, особливо в предисловии»¹⁸. Зато Н.И. Тургенев в письме к тому же С.И. Тургеневу оценил труд Стурдзы более сдержанно: «Я отчасти только читал Стурдзову книгу: она показывает большой ум автора; но жаль, что он не употребил его на что-нибудь другое»¹⁹. Н.И. Тургенев не одобря-

ет саму религиозную направленность Стурдзы. В другом письме к брату он высказался несколько определеннее: «Стурдза умный кажется человек, но несколько помешанной»²⁰.

Значительно позднее, перечитав эту книгу Стурдзы, В.А. Жуковский назвал его «наш Платон христианский»²¹. Сам Стурдза в своих позднейших воспоминаниях о Н.М. Карамзине писал, что его книга «заслужила внимание и одобрение Николая Михайловича, хотя многое выходило в ней из круга тогдашних мыслей и убеждений его»²².

Суммируя эти высказывания, следует заметить, что все они так или иначе исходят из «арзамасской» среды. Хотя сам Стурдза членом «Арзамаса» не являлся, он был в близких отношениях с почетным «арзамасцем» И.А. Каподистрием и в родственных отношениях с «арзамасцем» Д.П. Севериным (Резвым Котом), женившимся на его сестре Елене. По признанию самого Стурдзы, он общался с «С.С. Уваровым, Д.Н. Блудовым, В.А. Жуковским, К.Н. Батюшковым, Д.П. Севериным и А.И. Тургеневым»²³. Следует отметить, что почти все эти лица в 1810-е годы входили в пушкинский круг общения.

* * *

Взгляды Стурдзы на протяжении его жизни практически не менялись. Он был удивительно последователен и однообразен в своих суждениях, что нашло отражение в его многочисленных произведениях. Но менялась обстановка вокруг него. Когда он, по заданию Александра I, писал свою печально знаменитую «Записку о нынешнем положении Германии» для участников Аахенского конгресса, то был настроен в общем не менее либерально, чем когда писал «Рассуждение об учении и духе православной церкви». Но это был либерализм особого свойства, близкий по своему содержанию к тому религиозно-мистическому либерализму, которым увлекался Александр I и его ближайшее окружение в 1810-е годы.

Хотя сам Стурдза был не очень склонен к мистицизму, тем не менее он был тесно связан с мистическим окружением царя через свою сестру Роксандру Стурдза (Эдлинг). Именно она способствовала сближению Александра с баронессой Крюденер и

И.Г. Юнгом-Штиллином. Они трое, по словам Ф. Лея, «образовали своего рода благочестивую фалангу ангелов-хранителей императора России»²⁴. Юнг-Штилинг и Р. Стурдза заключили между собой мистический союз, какие в то время были довольно широко распространены в Германии²⁵. Десятого июля 1814 г. в Бруксале состоялась встреча Юнга-Штилинга с Александром I, во время которой речь шла о мистическом христианстве, и оба собеседника остались весьма довольными друг другом в этом отношении. О результате этой беседы Александр в тот же день рассказывал Р. Стурдзе: «Сегодня утром я видел Юнга-Штилинга. Мы объяснялись с ним как могли, по-немецки и по-французски; однако я понял, что у вас с ним заключен неразрывный союз во имя любви и милосердия. Я просил его принять меня третьим, и мы ударили по рукам»²⁶.

По мнению Ф. Лея, «наиболее важным результатом встреч Александра сначала с Юнгом-Штиллином, а затем с Роксандрой Стурдза был вне всякого сомнения тринитарный мистический договор, который связал всех троих по обычаю великих мистиков»²⁷.

В этом кружке мистическче идеи тесно переплетались с либеральными. В своих мемуарах Р. Стурдза (Эдлинг) приводила любопытный разговор с императором, который состоялся в 1814 г., незадолго до открытия Венского конгресса: «Я позволяла себе высказывать свои мысли с тем samozабвением, которое меня характеризует, и Император, удивленный моей искренностью, отвечал на нее с доверием, которому он редко придавался. Припоминаю еще между другими странными вещами, которые я ему наговорила: “Поскольку Вы добры ко мне, Государь, я должна Вам признаться в своих убеждениях. Они не соответствуют моему положению. В глубине души я республиканка, я ненавижу придворную жизнь и не придаю никакого значения отличиям и рождению – все это оставляет меня холодной и наводит на меня смертельную тоску. Но не выдавайте меня, в этой стране я дорого за это заплачу”. – “Нет, нет, – отвечал он, смеясь, – успокойтесь на этот счет. Искренность за искренность, я вам скажу, что я думаю точно так же, как и вы; но согласитесь по крайней мере, что в России эти предрассудки менее сильны, чем в других местах”. – “Да, благодаря правлению Вашего величества; еще я Вас уверяю,

что боюсь Вас пережить”. – “Вот это любезно! Но будем надеяться, что просвещение сделает достаточный прогресс для того, чтобы эти предрассудки и после моей смерти не могли иметь никакого влияния. Я испытываю большое утешение, глядя на нашу молодежь: она подает прекрасные надежды, и я верю, что со временем она их реализует”»²⁸.

Летом 1815 г. среди либеральных мистиков, окружавших царя, появился известный немецкий религиозный философ и тоже мистик Франц фон Баадер (1765–1841). О настроениях царя он получал информацию, что называется, из первых рук – из писем к нему Юнга-Штиллинга и Роксандры Стурдзы. Буквально за два месяца до подписания Акта о Священном союзе Баадер подал на имя Александра I записку, представлявшую собой синопсис своего же произведения «О необходимости нового и более тесного союза Религии и политики, созданной Французской революцией». В этой записке Баадер излагает идею Божественной любви, через которую осуществляется Закон. Идея любви неразрывно связана с идеей свободы: «...так как христианская религия есть религия любви, она в то же время есть религия свободы». Таким образом, «любой деспотизм, как и любое рабство, противоположен христианству (antichrétien)». «Государство, – утверждает Баадер, – близится к упадку, когда принцип любви уступает место гордости или низости и таким образом рушится под ударом деспотизма, который равным образом может проявлять себя как при монархическом или аристократическом правлении, так и при полной демократии (en pleine démocratie)».

В качестве примера несовместимости деспотизма и рабства с христианской религией Баадер приводит Французскую революцию. «Революционное правительство было первым, которое громко с истинно дьявольской дерзостью провозгласило свой разрыв с любой религией, объявив ей в духе сатанинского безумия открытую войну... Затем этот дух деспотизма и греха персонифицировался в одном человеке. Он с непреодолимой и магической силой привлек к Наполеону людей всех стран, видящих в нем самого могущественного выразителя их умонастроения, патрона и покровителя греха. <...> Но так как сущность Божественной политики в том, чтобы в самом зле оставлять возможность для проявления добра, Французская революция смогла бы эф-

фективно проявить себя подобным образом. Концентрация, засилье злых демонов может привести к новой концентрации противоположного толка, утверждению политики в духе истинной свободы (т. е. религии)». И далее идут слова, почти буквально предвосхищающие текст Акта о Священном союзе: «До настоящего времени человечество прилагало спасительную силу христианства только в частной или семейной жизни. Но Французская революция, может быть, открывала новую эру в истории христианства: она должна дать импульс новому искреннему пониманию принципа религии, свободы и любви в политике... и таким образом смогла бы организовать в будущем истинную контрреволюцию и приблизить истинную теократию»²⁹.

Александр I не только благосклонно принял записку Баадера, но и выделил ему 5 000 франков на публикацию книги³⁰. Вполне возможно, что записка Баадера помогла царю сформулировать основные положения Акта о Священном союзе. С еще большей определенностью можно утверждать, что идеи Баадера в значительной степени повлияли на А. Стурдзу, принимавшего непосредственное участие в составлении Акта и в это время уже работавшего над своим «Рассуждением». Через сестру Роксандру Стурдза был лично знаком с Баадером, и, как полагает Э. Сюсини, именно Баадер был негласным консультантом Стурдзы во время его работы над «Запиской о нынешнем положении Германии»³¹.

Таким образом, «Записка» Стурдзы является всего лишь развитием тех либерально-религиозных идей, которые призваны были «утихомирить» Европу после революционных и военных потрясений. Жизнь немецких университетов мало напоминала атмосферу религиозного умиротворения. Те национально-освободительные и объединительные идеи, которые вдохновляли немецкие земли в 1813 г. и делали немцев союзниками Александра I в борьбе с Наполеоном, теперь обернулись против русского императора. Много лет спустя Стурдза верно отмечал, что изменилась не политика Александра I, а ситуация вокруг нее: «Политический мир повернулся вокруг своей оси»³². «По всей Германии кипел дух мятежа и ропота, возбуждаемый кичением учености во всех вместилищах высших наук. Университеты со всем вспомогательным войском журналистов, профессоров и студентов, сдела-

лись рассадником не только образования юношества, но и преобразования политического. Сие стремление усиливалось воспоминаниями подвигов 1813 года и какою-то неуютностию всех состояний; ибо прилив и отлив Наполеонова владычества, расстроив старое общежитие и не утвердив нового, оставили за собою в умах волнение мечтательных надежд, чего-то искавших сквозь туман сумрачной немецкой философии»³³.

Сам Стурдза отнюдь не был таким противником объединения Германии, каким его представляли. Но объединение он понимал как результат просвещения. По его мнению, причины расчленения Германии заключаются в ней самой и объясняются чрезмерной «подвижностью людей и сословий» как следствием Французской революции и наполеоновских войн. Германия так и останется расчлененной до тех пор, «пока важные шаги на поприще народного образования не вдохнут новую жизнь в федеративную систему и не соединят составные части государства вокруг упорядоченного центра»³⁴.

В качестве важного шага на пути к объединению Германии Стурдза предлагает создать «Немецкий национальный институт в одном из вольных городов Германии. Такое учреждение заняло бы многие умы, скорее заблудшие, чем безнравственные. Оно очистило бы язык, подтолкнуло бы вперед науки и искусства; оно подняло бы федеральную власть и нечувствительно утвердило бы ее в праве влиять на общественное мнение»³⁵.

Стурдза высказывает мысль о том, что по состоянию школ следует судить о состоянии государства. Само законодательство должно быть «искусно выстроенной педагогической системой». С этой точки зрения немецкие университеты с их широкой автономией и корпоративностью представляют собой «обветшалые руины средневековья, едва совместимые с учреждениями и потребностями нашего века; объединения без смысла и цели, составляющие государство в государстве, они оживлены надменным корпоративным духом, который сбивает юношей с истинного пути и пагубно влияет на общественные настроения. Скопища всех заблуждений века, университеты продлевают жизнь всем несправедливым теориям, всем обманым учениям, плачевный опыт применения коих уже разочаровал большую часть наших современников. Университеты всецело распоряжаются будущим

целой нации – и ни одно правительство не требует от них отчета по существу, не вникает в методу тамошнего образования. Словесность, науки, правосудие, даже святость алтаря – все вверено университетам, а между тем ничто не удостоверяет, что они должным образом управляют государственным достоянием. Подчиненные единой системе правил, университеты всякий день могли бы исчезнуть; их поддерживает, с одной стороны, соблазнительность так называемых академических свобод, с другой – странная метода некоторых германских правительств: они упорно смотрят на университеты как на финансовые спекуляции, удобные для привлечения в страну наличных денег»³⁶.

Этот пассаж плюс выступление против свободы слова и вызвали бурю негодования после того, как записка Стурдзы, предназначенная для внутреннего использования на конгрессе, стала достоянием гласности. Прочитав «с жадностью и негодованием брошюру Стурдзы: “Sur l'état actuel de l'Allemagne”», А.И. Тургенев в письме к П.А. Вяземскому от 11 декабря 1818 г. писал: «По прочтении второй половины этой книжки, меня так и обдало инквизицией, хотя и нигде безбожное сие слово не упоминается. Но дух ея может зародиться в началах, коими руководствуется автор». Правда, по доброте душевной, Тургенев обвиняет Стурдзу не в ренегатстве, а всего лишь в незнании предмета, о котором тот пишет, да и само это невежество склонен объяснять общей атмосферой эпохи: «... какая дерзость, нашему брошюрному времени свойственная, говорить о том, чего не знаешь». Невежество порождает нетерпимость, и Тургенев не преминул «поймать» Стурдзу на противоречии в его же первой книге «Рассуждение об учении и духе православной церкви»: «Добрый, пламенный Стурдза! Зачем увлекаешься ты за пределы той самой христианской терпимости, которую сам проповедуешь и которая терпит ереси в твоей первой догматической книге!» Впрочем, Тургенев признавал, что в брошюре Стурдзы «есть и замечания справедливые»³⁷.

Два немецких студента из Йенского университета послали Стурдзе вызов на дуэль. Стурдза от дуэли уклонился, мотивируя это тем, что он лишь выполнял волю Александра³⁸, и на всякий случай под предлогом лечения катаракты удалился в Дрезден, откуда отправился в Россию через Варшаву. «Студенты, с своей стороны, отказались от поединка “с мыслящей, пи-

шущей и действующей машиной (Denk – Schreid – und Handlungsmaschine)»³⁹.

Тем не менее судьба Стурдзы, видимо, продолжала внушать определенные беспокойства его родственникам. Его сестра Роксандра Эдлинг в специальном письме к Александру I просила принять меры для защиты ее брата⁴⁰. Вяземский не без иронии писал А.И. Тургеневу: «Правда ли, что Стурдза едет в Грецию, как говорят газеты? Впрочем, ему в самом деле в Европе теперь никуда показаться нельзя, как разве в Константинополе или Петербурге»⁴¹.

Однако тираноборцев Стурдза, наверное, не очень интересовал. Его фигура в их глазах была слишком незначительна и никак не тянула на роль тирана или даже предателя национальных интересов: всего лишь русский чиновник, выполняющий заказ своего государя.

Фигура Коцебу в этом отношении была несколько предпочтительнее, хотя и здесь надо было на многое закрыть глаза, например на то, что он русский подданный, находящийся на государственной службе по министерству иностранных дел, что явно не вписывалось в представление о предателе нации. Поэтому решающую роль сыграло не его социальное положение, а языковая и литературная личность. Немец по происхождению и известный в Европе писатель – его убийство заведомо могло иметь широкий резонанс.

Позиция Коцебу была достаточно одиозной и отталкивающей, причем не только для немцев, но и для Александра I. Он откровенно не любил Германию и всячески пытался направить курс царя в сторону ужесточения мер по отношению к немецким патриотам. Такой чиновник явно не вписывался в либеральный ореол царской внешней политики. Поэтому не Александр предложил Коцебу работать на него в качестве осведомителя, а сам Коцебу буквально навязал императору свои услуги по ознакомлению его с общественным мнением в Германии. В ответ на его настоятельное прошение «представлять ежемесячно отчеты о новых идеях», К.В. Нессельроде от имени Александра ответил, что, хотя согласие в принципе получено, «Его Величество не находит, однако, возможным причислить его к какому-нибудь посольству, предпочитая, чтобы он повсюду и везде был принят за простого

путешественника, которому Государь разрешает от времени до времени сообщать ему результаты своих наблюдений»⁴².

О том, что Коцебу не пользовался доверием Александра, свидетельствует и тот факт, что записку о положении в Германии для Аахенского конгресса царь поручил составить не ему, хотя это как бы входило в его прямые обязанности, а Стурдзэ. Но Коцебу и здесь перестарался. Он с энтузиазмом воспринял «Записку» Стурдзы, и в своем журнале «Literarisches Wochenblatt» он обрушился на немецких журналистов, которые посмели критически высказываться о «Записке», в которой излагались взгляды русского царя⁴³. Это, в свою очередь, вызвало недовольство Александра, и он через Нессельроде потребовал от Коцебу объяснений: «Его Императорское Величество с изумлением прочитал в газете “Börsenhalle” статью, которая обвиняет вас в том, что вы придали официальный характер “Записке” г. Стурдзы о современном состоянии Германии... Мне предписано предложить вам, милостивый государь, объяснить те данные, которые послужили основанием вашему утверждению, столь мало мотивированному и противному истине, и указать источники, из коих вы могли почерпнуть сведения, которые вас ввели в заблуждение»⁴⁴.

Давать объяснения Коцебу уже не пришлось. Двадцать третьего марта он был убит студентом Зандом. Публикация дневников Занда показала, что к убийству Коцебу он готовился задолго до истории со статьей Стурдзы и весь этот эпизод никак не повлиял на его решение. Коцебу был заранее приговорен.

Свою позицию по отношению к немецким университетам Александр четко так и не проявил. Дезавуировав официальный характер «Записки» Стурдзы, он в то же время не заявил, что не согласен с ее содержанием. Такая уклончивая позиция, с одной стороны, поставила царя под удар либералов⁴⁵, а с другой – дала возможность доморощенным радетелям религиозного просвещения начать погромы Петербургского и Казанского университетов в полном соответствии с «Запиской» Стурдзы.

Что касается самого Стурдзы, то он явно не стремился угадать мнение царя и действовать в соответствующем духе. Он претендовал на гораздо большее – если не формировать полностью, то, во всяком случае, влиять на позицию Александра в области

просвещения, и в этом смысле его, конечно, трудно назвать холопом. Притом, что Коцебу оказывал поддержку Стурдзе в плане распространения русского влияния в Германии, в их позициях были существенные расхождения. Стурдза имел в виду религиозное влияние, ему казалось, что протестантизм легко соединим с православием, Коцебу же имел в виду прежде всего политическое влияние.

Таким образом, пушкинская эпиграмма не столько отражала политическую реальность, сколько моделировала ее, сознательно упрощая и смещая акценты. На ее примере можно наблюдать механизм создания политических репутаций. Ставится вопрос заведомо некорректный по отношению к тому, о ком идет речь: с кем Стурдза – с тираноборцами или с тираном? С Зандом или с Коцебу? Далее вырывается из контекста кусок, который, будучи вписанным в тираноборческую модель, доказывает, что Стурдза вместе с тиранами, а следовательно, он достоин «смерти немца Коцебу». При этом такие факты, как то, что Стурдза был сторонником либеральных реформ начала Александровского царствования, выступал против дворянства, в котором видел тормоз этих реформ, доказывал несовместимость христианства и крепостного права, проповедовал веротерпимость и терпимость политических мнений, постоянно привлекал внимание царя и общества к угнетенным грекам и поддерживал их восстание, доказывая, что это не революция, а, наоборот, освобождение и т. д., – все это выносилось за скобки. Революционное движение, которое набирало силы в Европе и пробуждалось в России в виде декабристских организаций, создавало образы врагов. Роль эпиграмм в политической борьбе оказывалась ведущей, а создаваемые ими репутации оказывались долговечнее тех реальных событий, которые в трансформированном виде легли в их основу.

Убийство Коцебу обрадовало не только европейских и русских революционеров. Аналогичные чувства оно вызвало у их антипода Меттерниха, который в письме к Генцу от 9 апреля 1819 г. писал о «превосходном Занде», давшем ему в руки могучее оружие для проведения в жизнь его системы. «Моя цель теперь в том, – замечает он далее, – чтобы дать делу лучшее направление, извлечь из него возможную пользу, и в этом отношении я не буду бездействовать»⁴⁶.

Таким образом, революция протягивала руку реакции, и права была сестра Стурдзы графиня Эдлинг, когда писала в мемуарах о «безумном союзе», заключенном против Александра I европейскими монархами и революционерами.

Примечания

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., 1949. Т. 2 (1). С. 78.

² Старина и новизна. 1904. Кн. 8. С. 36.

³ Щербачев П.П. Приятели Пушкина М.А. Щербинин и П.П. Каверин. М., 1913.

⁴ Томашевский Б.В. А.С. Пушкин: В 2 т. М., 1990. Т. I. 123.

⁵ [Owaroff S.S.] Stein et Pozzo di Borgo. P., 1847. P. 29.

⁶ Так, например, английский министр иностранных дел Г.Р. Каслри в донесении своему премьеру Р.Б. Ливерпулу назвал Священный союз «возвышенным абсурдом» (This piece of sublime and non-sense), а герцог Э.-Д. Паскье – «плодом воображения, достигшего высшей степени экзальтации» (*Bourquin M. Histoire de la Sainte Alliance. Genève, 1954. P. 145*). Однако, как писал Ф. Генц, «никто не осмелился сказать, что половина Европы смеялась над его (т. е. Александра – В. П.) религиозным фанатизмом, в то время как другая половина обвиняла его в лицемерии» (*Gentz F. Dépêches inédites aux Hospodars de Valachie. P., 1876. T. I. P. 220*).

⁷ Стурдза А. Вера и ведение, или Рассуждение о необходимом согласии в преподавании религии и наук питомцам учебных заведений. Одесса, 1833. С. 3.

⁸ Там же. С. 21.

⁹ «Рассуждение» цитируется по подготовленной к печати, но не опубликованной машинописи А.Н. Шебунина: РНБ. Ф. 849 (Шебунин). Ед. хр. 91. Л. 40.

¹⁰ Прим[ечание] автора: Экзегетика, или герменевтика, есть критический анализ священных книг, цель которого исследование, а чаще всего и опровержение их подлинности.

¹¹ Там же. Л. 40 об.

¹² Там же. Л. 41.

¹³ Блудов Д.Н. О книге под заглавием: *Considérations sur la doc-*

trine et l'ésprit de l'Eglise orthodoxe par Alexandre de Stourdza // Журнал Императорского человеколюбивого общества. 1817. Ч. 1. Авг. С. 181.

¹⁴ Там же. С. 184.

¹⁵ Там же. С. 185.

¹⁶ *Блудов Д.Н.* Указ. соч. Ч. II. Нояб. С. 240.

¹⁷ *Батюшков К.Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. II. С. 481.

¹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. 383. Л. 39.

¹⁹ *Тургенев Н.И.* Письма к брату С.И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 225.

²⁰ Там же. С. 257.

²¹ Русский архив. 1900. Кн. 3. С. 53.

²² Москвитянин. 1846. Ч. V. № 9–10. С. 149. Возможно, что в данном случае память несколько изменила мемуаристу. В письме к И.И. Дмитриеву от 23 апреля 1817 г. Карамзин, отметив «в иных местах красноречие», писал что автор «портит свой ум мистическою вздорологиею» (*Карамзин Н.М.* Письма к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 212).

²³ Арзамас: Сборник: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 51.

²⁴ *Ley F.* Alexandre I et sa Sainte-Alliance (1811–1825). P., 1975. P. 93.

²⁵ Ibid. P. 89.

²⁶ *Эдлинг Р.С.* Записки // Державный сфинкс. М., 1999. С. 198.

²⁷ *Ley F.* Op. cit. P. 89.

²⁸ *Edling R.S.* Mémoires. M., 1888. P. 144–146.

²⁹ *Grünwald C.* Alexandre I, le tsar mystique. P., 1955. P. 242–243.

Изложение философской системы Баадера см.: *Susini E.* Franz von Baader et le romantisme mystique. P., 1942. Т. II–III.

³⁰ *Büchler F.* Die geistigen Wurzeln der heiligen Allianz. Freiburg im Brisgau, 1929. S. 52.

³¹ *Susini E.* Lettres inédites de France von Baader. Vienne, 1951. Т. III. P. 93. Эта мысль Сюсини была поддержана биографом Стурдзы С. Шервас. По ее мнению, «Стурдза, вероятно, просто сделался эхом суммарного мало организованного перечня анализируемых тем в докладе Баадера в С.-Петербурге». И далее: «Влияние Коцебу на Стурдзу совершенно не сравнимо с влиянием Баадера, но отношения Коцебу с русским миром были известны, в то время как Баадер, проживая в Мюнхене, в некотором отдалении, действовал только через тайные донесения и избегал таким образом внимания общественного мнения» (*Chervas S.* Alexandre Stourdza (1791–1854). Un intellectuel orthodoxe face à l'Occident. Genève, 1999. P. 35).

³² *Stourdza A., de. Œuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires. Souvenirs et portraits. P., 1859. Т. III. P. 217.*

³³ *Стурдза А. Воспоминания о жизни и деяниях графа И.А. Каподистрии, правителя Греции. М., 1864. С. 81.*

³⁴ *Стурдза А.С. Записка о нынешнем положении Германии. Сочинение г. С....., статского советника при Его Величестве Императоре Всероссийском. Ноябрь 1818 // Россия/Russia. Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. 3[11] М.; Венеция, 1999. С. 149.*

³⁵ Там же. С. 157.

³⁶ Там же. С. 152–153.

³⁷ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. I. С. 169.

³⁸ В своих мемуарах Стурдза эту историю излагает следующим образом: «В Йене тайное скопище развратителей юношества раздало три кинжала с наказом умертвить ими старца Коцебу, профессора Шмальца и меня. Два ученика того же рассадника просвещения в то самое время письменно вызывали меня на поединок; вызов их не застал меня в Веймаре; я уехал в Дрезден» (*Стурдза А. Воспоминания о жизни и деяниях графа И.А. Каподистрии. М., 1864. С. 87*).

³⁹ *Чебышев А. Драма в Мангейме (К биографии Коцебу) // Голос Минувшего. 1913. №. 2. С. 66.*

⁴⁰ *Stourdza A. Règne de Michel Sturdza prince regnant de Moldavie 1834–1849. P., 1907. P. 376–377. Письмо это возымело действие, и к Стурдзе в Варшаве была приставлена охрана. Об этом П.А. Вяземский сообщал А.И. Тургеневу: «Здесь вся полиция охраняет его, и на днях схватили каких-то приезжих студентов, которые и не думали об нем» (Остафьевский архив. Т. I. С. 220).*

⁴¹ Остафьевский архив. Т. I. С. 204.

⁴² *Чебышев А. Указ. соч. С. 60.*

⁴³ В частности, Коцебу резко обрушился на некоего Фридриха, который «с обычной наглостью и пошлостью раскритиковал поданную на Аахенском конгрессе записку, редактором которой (и не более как редактором) был г. статский советник Стурдза» (*Literarisches Wochenblatt. 1819. Т. III. S. 172*).

⁴⁴ *Чебышев А. Указ. соч. С. 67.*

⁴⁵ Вяземский в письме от 17 марта 1819 г. писал А.И. Тургеневу: «Мне кажется, что Он, кого назвать не смею,

Но в душе всегда ношу,

со всею своею европейскою либеральностью попался впросак. Европа – не мы: ее баснями кормить не будут. Что за охота во все вмешиваться открыто и исподтишка? Вероятно, голубчик и не читал этой книги; но как же ему признаться, что именем его пишут то, чего он не думает?» (Остафьевский архив. Т. I. С. 203–204).

⁴⁶ *Metternich K. Mémoires, documents et écrits divers. P., 1881. Т. III. P. 244.* .

**Эдиционная
практика
и
проблемы
текстологии**

Москва
2006